

Частная инициатива въ дѣлѣ созданія русской науки.

А. Н. Щукарева.

Рѣчь, произнесенная на засѣданіи Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, посвященномъ памяти проф. В. Ф. Лугинина, 31 января 1912 г.

«То было раннею весною, цвѣли цвѣты и птицы пѣли...» и желѣзный истуканъ государственности, тотъ, что снился вавилонскому царю, лежалъ съ подбитыми глиняными ногами.

И было тепло и тихо.

И тогда вышло на просторъ то маленькое, запуганное существо, которое называется человѣческой индивидуальностью, робко оглянулось кругомъ и улыбнулось.

Было пусто.

Только потоки солнечныхъ лучей лились съ высоты синяго, безоблачнаго неба.

«Къ чему всѣ эти ухищренія: нашивки, выпушки... Развѣ не проста человѣческая мысль? Развѣ вездѣ и всегда не имѣетъ она правъ на свое проявленіе, на свою творческую работу? Развѣ не достаточно пріобрѣсти пару колбъ, два три термометра, можетъ быть простенькій катетометръ, чтобы вступить въ общеніе съ великою природою, чтобы встать на безконечный путь ея познанія, найти въ немъ смыслъ и цѣль жизни? Правда, надо научиться обращаться со всѣми этими инструментами. Ну, да это не такъ трудно: нужно вооружиться терпѣніемъ и скромностью и посвятить пару лѣтъ на странствованіе по хорошимъ научнымъ школамъ, а затѣмъ снять какой-нибудь чердакъ, провести туда газъ и работать, создавать, изучать безъ

шума, безъ корысти, заносъ почти безъ имени добытые факты въ великую лѣтопись знанія».

Такъ, или приблизительно такъ думалъ тотъ молодой человѣкъ, который изображенъ на первомъ изъ прилагаемыхъ портретовъ и который, несмотря на большія связи и значекъ артиллерійской академіи, бросилъ блестяще начатую военную карьеру и пустился въ странствованіе по Европѣ въ поискахъ за знаніемъ и методикой научной работы.

Не мало времени прошло въ этихъ исканіяхъ и съ немалымъ числомъ выдающихся ученыхъ удалось вступить ему въ общеніе.

Вотъ Бунзенъ, этотъ великій учитель, вѣчно занятый своими учениками. Онъ терпѣливо руководитъ каждымъ ихъ шагомъ, не позволяетъ закрасться въ ихъ молодые умы ни малѣйшему сомнѣнію насчетъ величія и силы знанія. Объ немъ ходятъ самыя удивительныя легенды. Говорятъ, что когда у новичка не очень ладятся анализы, онъ беретъ у него взвѣшенный тигель и пока разсматриваетъ его содержимое, осторожно сбрасываетъ туда кусочекъ пепла съ кончика своей неизмѣнной сигары. Научныя измѣренія должны быть точны, всегда точны.

Вотъ философъ-механикъ Кирхгоффъ, у котораго онъ вмѣстѣ со Столѣтовымъ и нѣкоторыми другими пытается слушать приватissime курсъ теоріи упругости. Попытка является мало удачной, такъ какъ оказывается, что, кромѣ Столѣтова, ни одинъ изъ слушателей не въ состояніи услѣдить за математическими выкладками лектора.

Вотъ глубокій Клаузіусъ, вотъ веселый старикъ Вюрцъ, являющійся въ лабораторію прямо съ экзаменовъ въ профессорской мантии, и производящій свои многочисленныя перегонки подъ неизмѣнный напѣвъ изъ «Прекрасной Елены».

Вотъ Бертелло, этотъ титанъ идей, но далеко не всегда тщательный въ ихъ исполненіи.

Наконецъ, вотъ онъ—этотъ колоссъ измѣрительной физики, этотъ астрономъ въ области частицъ и атомовъ, несравненный

и непревзойденный—Реньо. Доступъ въ лабораторію его возможенъ лишь по особой рекомендаціи; но нашему молодому человѣку посчастливилось не только попасть въ нее, но даже временно быть ассистентомъ у этого замѣчательнаго ученаго.

Въ лабораторіи Реньо сдѣлалъ онъ, совмѣстно съ Ханьковымъ, свою первую научную работу надъ растворимостью углекислоты въ водѣ при давленіяхъ болѣе атмосфернаго. Но не въ ней дѣло, важна та великолѣпная школа, которую создалъ этотъ великій мѣритель, тѣ приемы проэктированія точныхъ приборовъ, которыхъ онъ держался и которые заставляютъ изумляться даже насъ, богатыхъ научною техникой.

Лугининъ остался всю жизнь вѣрнымъ послѣдователемъ этой школы, всю жизнь неизмѣннымъ кліентомъ Golaz'a, конструктора приборовъ, обученнаго лабораторіею Реньо.

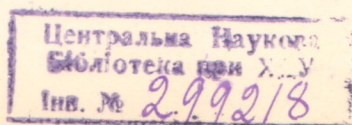
Но довольно странствованій, довольно изученія.

О родина, убогая, забытая, засыпанная снѣгомъ. Ты притягиваешь людей противъ ихъ воли въ свои холодныя объятія.

...Чердакъ уже снятъ, газъ проведенъ. Правда, домъ дрожитъ и многочисленныя колбы звенятъ на полкахъ. Старый служитель крестится и сумрачно докладываетъ, что въ лабораторіи не все обстоитъ благополучно: по ночамъ ходитъ «хозяинъ» и бьетъ колбы. Разсказы старика принимаются, конечно, со смѣхомъ; работать такъ удобно, тѣмъ болѣе, что подъ руками такой удивительный помощникъ, какъ Дмитрій Ивановичъ Дьяконовъ, великолѣпный стеклодувъ, художникъ по изготовленію шкаль, человѣкъ неисчерпаемаго трудолюбія и безконечной преданности знанію.

Хочется невольно взяться за что-нибудь сложное, трудное. Но что же выбрать темой для работы?

Конечно энергію, эту властительницу міра, только что покрывшую собою всѣ отдѣлы физики. А химія? Развѣ съ помощью той же энергіи нельзя раскрыть тайны химической силы, найти термическій эквивалентъ химическаго сродства?

Датскій химикъ Юліусъ Томсенъ уже принялся за это дѣло; надо слѣдовать за нимъ, надо жечь органическія соединенія.

Глухо булькають пузырьки газовъ въ необычныхъ по величинѣ кали-аппаратахъ; томительно длинно тянется калориметрическій опытъ; лампочка съ веществомъ, опущенная съ такимъ трудомъ въ калориметрическую камеру, тухнетъ. Разочарованіе смѣняется надеждой, надежда разочарованіемъ.

Рядъ тщательно провѣренныхъ цифръ, вполне совпадающихъ съ данными, полученными болѣе поздними, усовершенствованными методами, является наградой этихъ труднѣйшихъ калориметрическихъ опредѣленій.

Счастье маленькаго чердака было, однако, непродолжительно. «Хозяинъ» пришелъ, но не въ видѣ невидимки, бьющаго по ночамъ колбы, а сначала въ видѣ человѣка съ погонями и шашкою, затѣмъ въ видѣ человѣка въ гороховомъ пальто. Дьяконовъ былъ арестованъ, какъ потомъ оказалось, по ошибкѣ, просидѣлъ годъ въ крѣпости, получилъ тамъ серьезную болѣзнь кишекъ, и вскорѣ умеръ.

Работа творческой мысли сдѣлалась невозможной, пришлось спѣшно складывать инструменты въ ящики и устремляться въ такія страны, гдѣ не поднимаются вопросы объ образѣ мыслей лишь тѣхъ людей, которые, по выраженію сатирика, днемъ молчатъ, а ночью спятъ.

Я не буду описывать вамъ парижскаго періода въ жизни Владимира Федоровича: васъ познакомилъ съ нимъ въ достаточной мѣрѣ проф. И. П. Осиповъ. Этотъ періодъ тянулся около 10 лѣтъ, отъ 81 до конца 80-хъ годовъ, когда по дѣламъ своего обширнаго лѣснаго хозяйства Владимиръ Федоровичъ долженъ былъ вернуться въ Россію, въ частности въ Москву, гдѣ нашель временный пріютъ для своихъ работъ въ лабораторіи проф. Марковникова.

Въ слѣдующемъ году, по представленію профессоровъ Столѣтова и Марковникова, Владимиръ Федоровичъ Лугининъ былъ удостоенъ совѣтомъ Московскаго Университета диплома на

звание почетнаго доктора химіи и у него возникаетъ мысль, главнымъ образомъ по причинѣ урегулированія того же лѣснаго хозяйства, вернуться въ Россію.

Дипломъ почетнаго доктора давалъ право на вступленіе въ число приватъ-доцентовъ Университета, а это послѣднее на полученіе хотя бы небольшого мѣста для работъ въ стѣнахъ послѣдняго.

Профессоръ Марковниковъ шелъ навстрѣчу этой идеѣ и давалъ цѣлую комнату.

Въ 1891 году переѣздъ въ Москву состоялся и тогда же въ качествѣ сотрудника по устройству термо-химической лабораторіи былъ приглашенъ авторъ этой статьи, молодой, только-что окончившій университетъ, человѣкъ. Умѣстнымъ будетъ теперь же указать на двѣ особенности, которыми онъ обладалъ, и изъ которыхъ вторая отчасти совпадала съ индивидуальнымъ складомъ Владимира Федоровича Лугинина.

Эти особенности слѣдующія.

Во-первыхъ, онъ, случайно, былъ довольно хорошо знакомъ съ исторіею и политическими конъюктурами въ жизни Московскаго Университета и это обстоятельство позволило ему въ послѣдствіи искусно направлять жизненный корабль новаго учрежденія по не всегда спокойному академическому морю. Во-вторыхъ, онъ съ дѣтства былъ зараженъ духомъ научнаго сектантства, который онъ воспринялъ отъ своего дальняго родственника, тоже выдающагося русскаго ученаго и почетнаго доктора Московскаго Университета, духа, отъ котораго онъ, увы, не въ силахъ отказаться и въ настоящее время.

Обсуждая съ Владимиромъ Федоровичемъ вопросъ о перенесеніи Парижской лабораторіи въ Москву, я не стоялъ за установленіе слишкомъ тѣсной связи ея съ Университетомъ. Случилось къ тому же, что какая-то перестройка въ химическомъ корпусѣ Университета задержала сдачу въ наше распоряженіе той комнаты, которую уступалъ проф. Марковниковъ, а ящики съ инструментами изъ Парижа уже приходили.

Мы стали подумывать о приисканіи частной квартиры, и уже присмотрѣли одну въ домѣ Шмидтъ, на углу Воздвиженки, гдѣ снялъ себѣ квартиру В. Ф. Однако, воспоминаніе объ инцидентѣ съ петербургской лабораторіей было слишкомъ свѣжо, и В. Ф. рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ проф. Столѣтова занять пустовавшее помѣщеніе, отгороженное отъ слишкомъ большой входной площади передъ физической аудиторіей и заваленное хламомъ.

Помѣщеніе это оказалось довольно обширнымъ, около 100 квадр. метровъ, но въ первоначальномъ видѣ своемъ мало удобнымъ для научныхъ работъ.

Зима 1891—92 гг. прошла кисло и не дала научныхъ результатовъ.

Начало Московской жизни неудовлетворяло В. Ф., онъ сталъ подумывать о ликвидаціи ея, и авторъ этой статьи, предупрежденный о возможности послѣдней, уѣхалъ въ провинцію преподавателемъ средней школы, замѣщать одного изъ лицъ педагогическаго персонала, пользовавшагося по нервному разстройству годичнымъ отпускомъ.

Въ 1892 г. срокъ моей командировки окончился и къ этому же времени я получилъ вторичное приглашеніе отъ В. Ф. принять участіе въ работахъ термохимической лабораторіи, дѣла которой успѣли поправиться; легкая отгородка была замѣнена прочною стѣною и сверху подъ высокимъ сводомъ былъ навѣденъ потолокъ.

Началась жизнь тихая, ровная, среди приборовъ и научныхъ работъ, съ неизмѣнной ежедневной прогулкой въ университетскую мастерскую для такъ-называемаго «разноса» почтеннаго университетскаго механика Чибисова; на самомъ дѣлѣ эти «разносы» оканчивались обыкновенно весьма скромнымъ запросомъ о томъ, какъ подвигаются дѣла по сооруженію многочисленныхъ научныхъ приборовъ, заказанныхъ въ этой мастерской.

Намѣчается большая работа надъ тепломъ парообразования различныхъ органическихъ жидкостей. Требуется выработка

новаго метода, позволяющаго работать со сравнительно малыми количествами этихъ жидкостей; за нее цѣпляется другая—опредѣленіе теплостойкости тѣхъ же жидкостей въ интервалахъ ихъ температуръ кипѣнія и комнатной температуры. Тысячи перегонкъ, сотни органическихъ анализовъ; работа тянется, тянется, какъ пестрая лента, черезъ многіе годы...

Испытываются инструменты, создаются навыки; люди сжи-
ваются съ вещами, уходятъ въ глубь мысли.

— «Что даете, чтобы я показалъ вамъ, какія получились у насъ великолѣпныя цифры» говоритъ В. Ф., входя въ лабораторію.

Научныя данныя дѣлаются предметомъ спорта и экспериментаторъ волнуется, вычисляя результаты анализа.

Но жизнь среди цифръ и приборовъ не отливается въ холодныя формы.

Наоборотъ, она полна шутокъ, остроумія и веселья.

Вотъ появляется въ качествѣ постоянного сотрудника лабораторіи П. В. Зубовъ, такой же безкорыстный любитель знанія. Почему то возникаетъ гипотеза, что онъ скрываетъ деньги въ «кубышку» и вотъ ведутся нескончаемые шуточные разговоры о какихъ то пожертвованіяхъ, которыя обязанъ онъ преподнести лабораторіи, о какихъ то штрафахъ, которые онъ обязанъ уплачивать чуть ли не за каждый шагъ въ лабораторіи.

«Гейне говоритъ, что колбасу дѣлаютъ лучше всего въ Гамбургѣ, а науку въ Гёттингенѣ, но согласитесь, что калориметрическую воду лучше всѣхъ дѣлаю я», говоритъ В. Ф., подогрѣвая на спиртовой лампочкѣ литровую колбу съ водою, «и если бы не Крокодилъ (шутливое прозвище служителя) она бы была, какъ Гоголевская дама, прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ».

Температура калориметрической воды оказывается подобранной дѣйствительно очень удачно. Входная дверь заперта, объемистый Брекетовскій секундомѣръ,—подарокъ самого Реньо, который В. Ф. неизмѣнно самъ заворачиваетъ и отворачиваетъ, и самымъ серьезнымъ образомъ завѣщаетъ положить съ собою въ гробъ,—отчетливо отбиваетъ секунды, и черезъ каждые 30 изъ

нихъ наблюдатель приглашается «ко вниманію и отсчету». Побуждаемый легкими ударами палочки термометръ—этотъ «извѣстный лѣнтяй»—идетъ равномерно, правильно какъ часы.

— «Ахъ, ты Господи, что Вы надѣлали!» останавливаетъ меня вдругъ В. Ф. въ самый трудный моментъ опыта, когда приходится вводить въ калориметръ то, или другое вещество.

— «Что такое?»

— «Да Вы забыли сказать мнѣ, что начинается главный періодъ!».

— «Я отмѣтилъ это въ книжкѣ».

— «Хорошо, но я не успѣлъ застегнуть сюртука», и В. Ф. спѣшитъ исполнить этотъ обрядъ, быстро передвигая одною рукою небольшую зрительную трубу, въ которую онъ наблюдаетъ термометръ.

— «Согласитесь, что это большая мелочь», говорю я.

В. Ф. смѣется: «надо соблюдать извѣстное почтеніе къ процессамъ природы».

Конечный, «лишенный волненій» періодъ калориметрическаго опыта проходитъ въ болтовнѣ о событіяхъ текущаго времени, въ воспоминаніяхъ, и наблюдатели расходятся по домамъ, унося обильную пищу для счетной машины.

Не смущаютъ В. Ф. и русскіе морозы. Тогда надѣвается такъ-наз. «малый медвѣдь», въ которомъ ходитъ хотя съ трудомъ, но все же можно, и который противопоставляется обыкновенно «большому медвѣдю», одеждѣ «подобной dospѣхамъ средневѣковаго рыцаря, упалъ, такъ уже самъ подняться не можешь».

Малый медвѣдь вѣшается при входѣ въ лабораторію какъ разъ рядомъ съ калориметромъ Зубова.

«Нарочно, чтобы у него были дрянные опыты, такъ какъ онъ не платитъ штрафовъ!»; а опыты у Зубова между тѣмъ получаются одинъ лучше другого.

Случайно отведенное подъ лабораторію помѣщеніе оказалось очень подходящимъ для цѣлей калориметріи. Благодаря необычайной высотѣ его, равной почти двумъ этажамъ, всѣ

колебанія температуры нижняго слоя почти моментально уносились вверхъ и не оказывали никакого вліянія на радіацію калориметровъ.

Рядомъ съ медвѣдемъ ставится пара теплыхъ ботишковъ, за роняніе которыхъ Зубовъ нещадно штрафуется. И все идетъ по прежнему.

Только вотъ бѣда: періодически до лабораторіи доходятъ слухи, что готовятся студенческіе безпорядки. Атмосфера постепенно становится все болѣе и болѣе напряженной и В. Ф., приготавливая калориметрическую воду уже не хвастается своимъ искусствомъ, а глухимъ и торжественнымъ голосомъ читаетъ цитату изъ Карамзина:

«Народы дикіе любятъ свободу. Народы мудрые любятъ порядокъ. Нѣсть порядокъ безъ власи...» «что хорошо сказано!».

Слухи, наконецъ, оправдываются: «народы, любящіе свободу», толпою собираются на университетскомъ дворѣ, ихъ окружаютъ казаки и влекутъ въ манежъ.

Въ другой разъ они сами стремятся идти въ манежъ, но ихъ не пускаютъ казаки. Въ третій—они засаживаются на цѣлые дни въ аудиторіи, и ихъ не удастся удалить оттуда никакими убѣжденіями. Въ четвертый разъ ихъ упрашиваютъ ходить въ аудиторіи, а они не хотятъ этого дѣлать.

Изъ оконъ лабораторіи былъ къ несчастью виденъ и университетскій дворъ и манежъ, и всѣ эти эволюціи не могли не отражаться на настроеніи работающихъ.

Необычайно осторожный въ своихъ научныхъ сужденіяхъ В. Ф. былъ рѣзокъ и поспѣшенъ въ сужденіяхъ, касавшихся обыденной жизни. Видѣвшій въ своей молодости болѣе суровую эпоху русской жизни, онъ дѣлалъ изъ всѣхъ описанныхъ фактовъ крайніе выводы. Ему казалось, что Университету приходитъ конецъ; работа невольно бросалась и подымался вопросъ о пріисканіи для лабораторіи другого помѣщенія.

Населеніе лабораторіи не ограничивалось тремя любителями. Кромѣ немногочисленныхъ студентовъ, число которыхъ В. Ф.

не стремился увеличивать, она съ самаго основанія своего стала привлекать гостей, обращавшихся къ ея содѣйствію по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ вопросамъ, связаннымъ съ калориметріей и термометріей. Такъ, въ разное время въ ней работали профессора Московскаго Университета: Каблуковъ, Вернадскій, Дьяконовъ, проф. Харьк. Университета В. Ф. Тимофеевъ, проф. Варшавскаго Университета Ю. Ф. Вульфъ, прив.-доценты Казанскаго Университета Богородскій и Максимовичъ и др.

Лабораторія стала приобрѣтать имя и ея авторъ очутился въ неловкомъ положеніи. Онъ былъ всего только приватъ-доцентомъ.

Тогда въ факультетѣ возникла мысль устроить для В. Ф. сверхштатную профессуру. Это упрочивало положеніе лабораторіи и В. Ф., привыкшій болѣе къ строю жизни заграничныхъ университетовъ и смотрѣвшій на профессуру, какъ на почетное званіе радовался этому.

— «Посмотримъ, что будете Вы говорить, зоиль, когда меня сдѣлають профессоромъ?».

— «Я буду объ этомъ сожалѣть, ибо это лишитъ Васъ извѣстной свободы, и я думаю, что Вы сами скоро придете къ тому же заключенію».

Терніи русской профессуры не замедлили дать о себѣ знать. Уже съ первыхъ же засѣданій факультета, на которыхъ ему пришлось присутствовать, В. Ф. вернулся разочарованный. Обсужденіе учебныхъ мелочей, приправленное столкновеніями личныхъ самолюбій, атмосфера общественнаго дѣла на казенной почвѣ, съ казенными формальностями,—все это, конечно, не могло возбуждать живаго интереса.

Часто теперь приходилось откладывать интересные опыты.

— «Увы, у меня сегодня несносный факультетъ», говорилъ В. Ф.

Не лучшее впечатлѣніе производили и засѣданія Совѣта, особенно такія, которыя созывались по поводу студенческихъ

волнений. В. Ф. всегда шелъ на нихъ съ какимъ-то опасеніемъ; прощаясь онъ неизмѣнно говорилъ:

— «Имѣйте въ виду, что я къ Вамъ можетъ быть и не вернусь болѣе профессоромъ».

— «Почему?»

— «Какъ почему? Предложить что нибудь подписать, вотъ и конецъ. Подумайте на досугѣ: куда намъ дѣвать лабораторію».

Наконецъ отношенія его къ университетскимъ засѣданіямъ приняли явно враждебный характеръ; особенно раздражалъ его разсылный служитель, приносившій листъ объ этихъ засѣданіяхъ, на которомъ надо было расписываться. Какъ то всегда онъ начиналъ стучаться въ дверь именно тогда, когда мы дѣлали калориметрическое опредѣленіе.

— «Кто тамъ?»

— «Повѣстка о засѣданіи».

— «Ахъ, это опять проклятый факультетъ. Войдите скорѣе и закройте за собою дверь. Теперь сидите здѣсь въ сторонѣ цѣлый часъ и ждите пока мы кончимъ опытъ»!

И несчастный служитель долженъ былъ терпѣливо ждать.

В. Ф. скоро смѣнялъ, однако, гнѣвъ на милость, быстро ставилъ на листъ свою подпись и, выпроваживая служителя, неизмѣнно наказывалъ ему, чтобы онъ не смѣлъ въ другой разъ стучаться, когда мы дѣлаемъ опытъ, молчаливо предполагая, что время послѣднихъ ему въ точности должно быть извѣстно.

Я сколько разъ предлагалъ В. Ф. не ходить на всѣ эти засѣданія, но, онъ будучи отъ природы человѣкомъ требовательнымъ къ себѣ, считалъ за неисполненіе разъ принятыхъ на себя обязанностей.

Наконецъ, онъ пересилилъ себя и пересталъ бывать на нихъ.

.....

Весна привѣтливо стучится въ окна; на улицѣ свѣтло и шумно и В. Ф. какъ то особенно веселъ.

Калориметрическія опредѣленія тянутся своею обычною чередою: вода подогрѣвается на спиртовой лампочкѣ; идетъ сборка прибора.

— «А знаете какую я теперь пѣсню пою? Ну, угадайте schrecklicher Mensch?»

«Вы будете довольны. Я пою:

Куда, куда вы удалились

Счастливые приватдоцентства дни...

Что хорошо? Вы были, какъ весьма часто, правы, и если бы Вы держали со мною пари тогда, когда меня выбирали въ профессора, Вы могли бы теперь выиграть «пятакъ» (обычная сумма нашихъ споровъ).

Собиравшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ коллекція приборовъ («результатъ счастливой лѣсной торговли») давно уже вышла за предѣлы потребностей индивидуальнаго пользованія и самъ собою возникалъ вопросъ: куда впослѣдствіи все это дѣвать.

Привыкшій къ заграничной жизни и къ тому обилію средствъ, которыя безпрепятственно даются тамъ на потребности Университетовъ, В. Ф. считалъ свою коллекцію слишкомъ скромной для Университета и рассчитывалъ передать ее современемъ одному изъ проектировавшихся тогда Политехникумовъ.

Въ 1901 году положеніе вещей измѣнился. Вполнѣ выяснилось, что русскіе Политехникумы строятся въ иномъ масштабѣ, чѣмъ русскіе Университеты; съ другой стороны, получено было извѣстіе, что Физическій Институтъ Московскаго Университета заканчивается постройкой, и что туда должна будетъ перейти и термохимическая лабораторія, такъ какъ помѣщеніе, которымъ она пользовалась, должно быть сломано.

Пришлось рѣшать вопросъ въ окончательной формѣ.

В. Ф. попросилъ меня составить инвентарь. Были отобраны нѣкоторые приборы, представлявшіе извѣстное воспоминаніе (они впослѣдствіи были увезены въ Парижъ) и все остальное имущество лабораторіи передано въ даръ Московскому Университету

съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно всегда составляло цѣльную, сливающуюся съ другими лабораторію.

Считаясь съ необходимостью помѣстить ее въ новомъ зданіи Физическаго Института и желая приблизить ее по характеру къ задачамъ послѣдняго, В. Ф. рѣшилъ измѣнить ея названіе и наименовать «Термической Лабораторіей». Тогда же, на взаимномъ совѣщаніи, было рѣшено, что я, какъ человѣкъ имѣющій лишь химическій цензъ, не буду преемникомъ по руководству этой лабораторіей и было постановлено выбрать лицо изъ среды молодыхъ физиковъ, которое бы прошло всю нашу школу и въ послѣдствіи могло бы войти въ составъ преподавательскаго персонала при кафедрѣ физики, спеціально по отдѣлу молекулярной физики.

Въ качествѣ такого лица былъ намѣченъ Николай Николаевичъ Златовратскій, одинъ изъ лучшихъ нашихъ практикантовъ, интересовавшійся молекулярной физикой (въ частности кристаллическимъ состояніемъ), который и былъ отправленъ за границу въ лабораторію проф. Тамманна на средства В. Ф. Лугинина.

Къ сожалѣнію, этотъ молодой человѣкъ, вернувшись въ Россію заболѣлъ неврастеніей, утратилъ научную работоспособность, и счелъ для себя болѣе удобнымъ устроиться преподавателемъ въ провинціи.

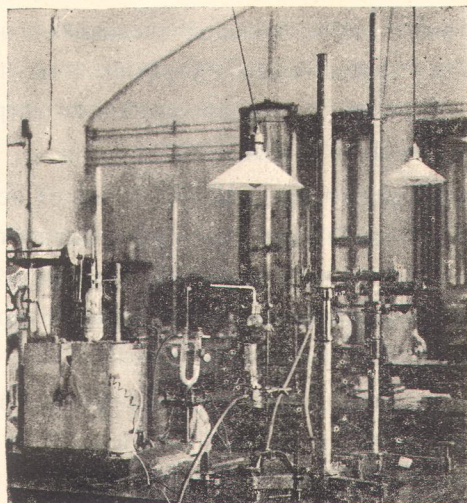
Тогда же, по моему предложенію, было рѣшено составить самое подробное описаніе всѣхъ методовъ, выработанныхъ нами въ теченіе многихъ лѣтъ и усвоенныхъ практикою нашей лабораторіи, дабы оно могло послужить основнымъ руководствомъ въ ея будущей жизни. Это было исполнено.

Въ 1904 году лабораторія перешла въ новое помѣщеніе, въ которомъ находится и теперь. Общій видъ ея представленъ на прилагаемыхъ рисункахъ.

Въ 1906 году В. Ф. былъ въ ней послѣдній разъ.

Въ каждую изъ слѣдующихъ зимъ, вплоть до 1909 года, онъ неизмѣнно собирался пріѣхать, устроить лабораторію окон-

чательно. Въ 1908 году былъ даже приготовлено помѣщеніе для его прїѣзда, но это была только мечта; болѣзнь не позволяла ее осуществить.

Хотя съ самаго начала жизни Термической Лабораторіи въ стѣнахъ Московскаго Университета я не стоялъ за прочную

связь ея съ послѣднимъ, и какъ Вы видѣли, обстоятельства не разъ ставили вопросъ объ ея обратномъ выселеніи, однако, когда эта связь была закрѣплена окончательно, я первый позволилъ себѣ поднять вопросъ о ея болѣе прочномъ обезпеченіи въ будущемъ.

Я предложилъ В. Ф. оставить въ ея пользу хотя бы небольшой капиталъ, который бы позволилъ ей существовать независимо отъ другихъ университетскихъ учреждений. Я предлагалъ даже связать это пожертвованіе съ небольшимъ уставомъ, который бы намѣчалъ русло ея будущей жизни. Но В. Ф. почему-то всегда очень рѣшительно высказывался противъ перваго, разумѣется не по недостатку средствъ, или нежеланію ихъ тратить, а по какимъ-то принципиальнымъ соображеніямъ.

— «Я началъ, говорилъ онъ обыкновенно по этому поводу, а они пусть продолжаютъ». Онъ смотрѣлъ здѣсь на Университетъ опять съ какой-то особой нерусской точки зрѣнія.

.....

Я изложилъ Вамъ исторію одной изъ первыхъ попытокъ созданія частнаго научнаго учрежденія въ Россіи.

Подобно тому, какъ маленькій кристаллъ, брошенный въ насыщенный растворъ, вызываетъ образованіе новыхъ ему подобныхъ, которые срастаясь даютъ великолѣпныя друзы, и такъ эта попытка, сдѣлавшись широко извѣстной, начала вызывать подражанія и притягивать къ себѣ людей родственныхъ настроеній.

Какъ-то давно, еще въ началѣ жизни Термической Лабораторіи въ нее зашелъ товарищъ В. Ф. по военной службѣ князь Трубецкой. Старый, глухой, онъ сидѣлъ и жаловался на свою одинокую жизнь.

— «Какъ вы счастливы здѣсь, у васъ есть живое интересное дѣло!».

— «Кто же тебѣ мѣшаетъ устроить что-либо подобное, говоритъ В. Ф., средства у тебя, слава Богу, есть».

— «Да, но что?».

— «Постой, приходи ко мнѣ сегодня обѣдать, мы вмѣстѣ подумаемъ».

Мнѣ неизвѣстенъ тотъ разговоръ, который былъ за этимъ обѣдомъ, но только спустя годъ или два, утромъ, когда я работалъ въ лабораторіи еще одинъ, въ ожиданіи прихода В. Ф., въ нее входитъ князь Трубецкой. Я, конечно, сказалъ, что В. Ф. еще нѣтъ.

— «Это не бѣда, возразилъ онъ мнѣ съ необыкновенной живостью, покажите на какихъ вѣсахъ Вы взвѣшиваете».

Я сталъ показывать лабораторныя вѣсы, князь засыпалъ меня вопросами чисто технического характера. Вскорѣ пришелъ В. Ф.

Оказалось, какъ онъ мнѣ потомъ разсказалъ, онъ посовѣтовалъ Трубецкому устроить въ его обширномъ имѣнии агрономическую станцію, что Трубецкой и исполнилъ, устроивъ великолѣпно оборудованное учрежденіе, пригласивъ туда нѣсколькихъ сотрудниковъ, и погрузившись самъ личнымъ трудомъ въ ея жизнь и въ частности въ агрономическіе анализы. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ необычайный интересъ, который проявилъ князь къ вѣсамъ и вообще къ лабораторной жизни.

Въ 1904 г. П. Д. Хрущовъ, послѣ предварительнаго знакомства съ опытомъ В. Ф. Лугинина, окончательно рѣшилъ переѣхать въ Москву, вступилъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго Университета и началъ перевозить въ физическій институтъ свою Карасевскую лабораторію.

— «Только я не буду такъ неостороженъ, какъ В. Ф., говорилъ онъ мнѣ, не подарю ее при жизни никакому университету».

Немного позднѣе аналогичнымъ образомъ пытался устроить-ся и Ю. В. Вульфъ.

При Московскомъ Университетѣ начало создаваться какое-то оригинальное собраніе свободныхъ научныхъ учреждений.

— «Я думаю все же, что кончится нашъ пиръ бѣдою, говорилъ мнѣ П. Д. Хрущовъ, они для насъ ничего не сдѣлаютъ и намъ придется разойтись».

«Они» дѣйствительно ничего не сдѣлали. Предсказанія П. Д. Хрущева оправдались и мы разошлись.

.....

Мертвы люди, но живы дѣла ихъ.

Спи старый сотрудникъ и учитель глубокимъ сномъ вѣчности. Не все еще кончено, сцена еще не закрыта.

Пусть народы дикіе, любящіе свободу, живутъ по прежнему, получаютъ зачеты и дипломы и устраиваются обыденнымъ образомъ въ обыденной жизни.

Не для нихъ наука и не они для науки.

Бдали виднѣтся что-то новое, необычное.

Кипитъ котель человѣческой жизни, и знаніе, этотъ сухой продуктъ мысли, удѣлъ немногихъ посвященныхъ, опускается на дно, сливается съ человѣческою жизнью, съ человѣческою вѣрою, и выходитъ наружу обновленное, для всѣхъ понятное и для всѣхъ желанное: знаніе—творчество, знаніе—картина міра, знаніе—религія.

И люди жаждутъ его теперь, люди просятъ его, толпами идутъ за нимъ, какъ за самодовлѣющимъ благомъ.

Но гдѣ же будутъ искать они его? Не въ старыхъ ли «экзаменаціонныхъ манежахъ»?

Бездоннымъ куполомъ высится надъ головою человѣка темное, звѣздное небо. Зеленою стѣною стоятъ вокругъ сосны и ели и бьетъ о скалистый берегъ вѣчно шумящее море.

Не здѣсь ли всегда искали люди Бога?

Не подъ этимъ ли великимъ шатромъ родилась первая человѣческая мысль и не это ли вѣчное волненіе побуждало ее къ вѣчнымъ исканіямъ?

Не здѣсь ли храмъ для всѣхъ религій?

И придетъ пора, и она уже близко, когда послѣдняя изъ нихъ встанетъ на путь своихъ предшественницъ, отрѣшится отъ богатыхъ и знатныхъ, отъ князей и государства и уйдетъ въ

пустыню, чтобы подъ сѣнью лѣсовъ, вдали отъ страстей и
суеты жизни построить алтари свободной человѣческой мысли.
И соберутся вокругъ нихъ труждающіеся въ поискахъ знанія,
чтобы въ свободномъ союзѣ вѣчно отражать, вѣчно рисовать
величавый потокъ мировой жизни.